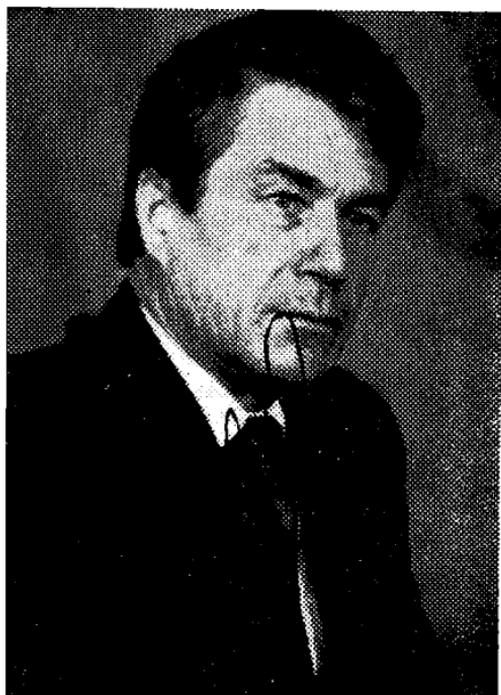

Юрий ПОЛЯКОВ

Барбер

Юрий ПОЛЯКОВ

Поэмы
И
Пародии

п. Тимирязево
Северо-Казахстанской области
1991 год.

ПОЭМЫ

ОДНА НОЧЬ

Канун тридцатого. Метет
Колочая поземка.
К Хибинам поезд их идет,
Стучат колеса громко.
В душе у Кирова покой,
Но чуть горчит досада:
Вот Новый год не за стеной,
А тут «кататься» надо...
«Ну ладно. Цыц, не раскисай.
Потом все заверстаешь.
Что значит Север нынче—сам
Иных ведь лучше знаешь...».
Стучат колеса. Катят в темь
Вагоны торопливо.
Полутчик Кондриков совсем
Сломился. Разморило.
«Устал. Подремлет пусть матрос,
Ведь столько канители
Перехлебать ему пришлось
В последнюю неделю...».
Но проводник—бессонный страж
Дорожного приюта
Возник в проходе, как мираж
И к Кирову: —Вам тута,
Кажися, надобно сходить?
Так вот он, значит, Белый...
Сергей Мироныч стал будить
Полутчика несмело.

Поднял. Сошли. И враз снега
И ночь их обступили.

— Мы ждем, товарищ Киров, вас.

Признаться, подзастыли...

Глядит, стоит не человек,

А полушубок с шапкой,

Поодаль в сани (или в снег?)

Запряжена лошадка.

— Ну что ж, коль ждали, вот мы тут,

Чуть, правда, припозднились....

Как, паредек, тебя зовут?

Я Ситников Василий.

Уселись в сани.

— Что ж, давай,

Василий, «поезд» трогай.

И вот полозья на весь край

Судачат про дорогу.

Одни они. Молчит матрос,

Неговорлив возница.

Под любопытство стылых звезд

И Кирову молчит.

Но мысли... Мысли не унять.

Он даже встрепенулся—

К беседе с Ферсманом опять

В который раз вернулся.

Вот, говорят, не привечал

Ученый и знакомых...

Да нет, приветливо встречал

Секретаря обкома.
Наперекор молве—непрост,
Что странен, нелюдим, мол,
Такие данные поднес,
Не данные, а диво!
Хибины—клад! Хибины—ларь!
Хибины—пласт могучий!
Богатствам этим нужен царь,
Ларю—отмычка-ключик.
Ну что жс, царь он есть: народ,
А ключик... постараться
Придется дать в Хибины ход
Труду электростанций.
И будет дар природы взят
Тогда легко, не в муках.
Тому, хибинский чудо-клад,
Большевиков порука!..
Пока мечтал да вспоминал
И в план все ставил с толком,
Вдали затеплился накал
Огней слепых поселка.
А вот и низенький барак—
Отвели несно сани.
Заносят гости свой багаж,
Знакомятся с жильцами.
Сергей Миронович привык
К поездкам, между прочим,
Он в обстановку быстро вник,

Беседует, хохочет.

—Ну что ж, товарищи, дела

Мы завтра все завертим,

Ну, а сейчас как раз пора

И Новый год бы встретить.

Конечно, тут пока не ах,

Проектов нет крылатых,

Но будет все и здесь, в снегах.

Да здравствует тридцатый!

У колченогого стола

Они подняли дружно

За года нового дела

С горячим чаем кружки.

Потом до первых петухов

Почти

сидели славно,

И Киров без красивых слов

О близких и о дальних

О достижениях говорил,

О наших о недугах,

О городах, что сотворим

Мы за Полярным кругом.

Была беседа, как костер,

Она в ночи их грела.

Но вот над очертаньем гор

Полоска заалела.

Все, кто как мог, улегся спать,

Со всеми лег и Киров.

Глядит, а где подушку взять?
Фу! Не своя ж квартира.
Он валенки с себя долой,
Сложил их тощей стопкой
И примостил под головой—
Уютно и не топко.
И так уснул. И снился сон
Ему такой хороший:
Как будто бы шагает он
Вечернею порошей,
Снежинки бьются второпях
В лицо совсем не остро,
А впереди в сплошных огнях
Весь Кольский полуостров...

КОСА И КАМЕНЬ

А. С. ЕРМАКОВУ

I.

Дела, дела.. Им есть конец?
Да нет, конца не будет,
Пока ты людям как отец,
Толпиться будут люди
В твоей приемной в пять аршин
С обшарпанным порогом.
Ну что ж, давай, свой суд верши
Не мягко и не строго;
По правде действуй, по уму
И к каждому—с подходом.
А впрочем, яблоку к чему
Учить вдруг садовода?
Ты сколько лет уже торчишь
В директорском шезлонге?
Что, говоришь, уже горчит
На лет нелегких склоне
Нелегкий статус вожака
Целинного совхоза,
Что начинался с колышка,
Как с первой фразы проза?
Ты прав, наверно, Громаков,
За тридцать лет целинных
Устать способна—ох, легко,—
Пожалуй, и машина.
Но что же делать, дорогой?
На все махнув рукою,
Махнуть на Дон, недорогой

Домишко над рекою
Купить и жить, винишко пить
Под шум веселый сада
И вспоминать, как жил в степи
С заботой вечной рядом?
В конце концов ведь сколько их
Вот так и поступили,
На зов тропинок родных
Куда-то укатили.
Степи ты тоже отдал дань
И ничего не стоит
Вернуться на свою Кубань
Как в детство золотое.
Но сможешь ли себя сорвать
С насиженного места,
Которому успел отдать
Души своей наследство?
Когда напиток кровь
Нам, как роса отаву,
Долг, честность, совесть и любовь,
Такая смесь — отрава.
Ты этой смесью весь намок
Да как никто, наверно...
Ах, бог ты мой! Опять звонок.
Кто б мог? Наверно, первый.
Ты кнопкой щелкнул под столом
И секретарше Тане:
— Там люди есть? Зайдут потом.

Пусть извинят. Я занят.

2.

А трубка голос донесла,

В нее гудел Дубасов:

—Здорово был! Ну как дела?

Как молоко? Как мясо?

—Сказать нельзя — течет рекой,

Но мы в хозяйстве судим:

С заданьем справимся легко,

Квартальный точно будет.

—Самоуверен слишком ты,

Забыл цыплят и осень?

А впрочем, мы без суеты

Тебя об этом спросим.

Заметь, девятого числа

Бюро у нас в двенадцать,

Так вот, по этим всем делам

Заставим отчитаться.

--Зачем «заставим»? Может быть,

«Покеросим». Так приятней.

—Ты юмор можешь разделить

С женой своей. Понятно?

Сказал и в трубке косяком

Пошли гудки отбоя.

Сидит директор Громаков

В раздумьях сам с собою.

...Забыл уж, черт возьми, когда

Нашла коса на камень?

Ах, да, взошла та лабуда
Сентябрьскими деньками.
Преступный брежневский круг...
Тогда, как на Синае,
В Алма-Ате, плодя хапуг,
Калифствовал Кунаев.
Перетомившись через край
От сотен заседаний,
Махнул он как-то в Кустанай
Встряхнуться, словно в баню.
Но чтобы баем не прослыть,
А сверхпартийным дядей,
Любил он полем походить
И колоски погладить.
Ну, дескать, как же, я как все,
Люблю, мол, страшно злаки.
Стоит он тумбою в овсе,
Ну, а вокруг зеваки,
Большой обкомовцев хорал,
Их лица льстиво-мглисты,
Ну и, конечно же, овал
Из бравых кэгэбистов.
Не сосчитать, пожалуй, всех.
Зачем они? Охота
Съязвить: да нет у нас в овсе
Злодея с пулеметом!
Но Громакову же ей-ей
Другое в темя градом:

Ведь у его ж сейчас полей
Застряла кавалькада.
Наверно, будет всем развес...
Ну так и есть, дождался.
— А кто директорствует здесь?—
Он слышит голос с грассом.
— Да вот, товарищ Громаков,—
Дубасов упреждает.
— И что ж, успех у вас каков?
Какие урожан?
— От недорода не умрем,—
Вперед немного вышел.—
По двадцать пять на круг берем,
Бывает, и повыше.
Но дело вот какое тут,
В других совхозах дохло,
Зерна по тонне лишь стригут
С гектара. Вот что плохо.
Ну и приходится за них
Нам гришивать заплаты,
Хотя зияет у самих
Дыра натуроплаты.
— Дубасов, где гартыйный взвод?—
Кунаев щурит око.
Тот как столовый корнеплод
Налился красным соком.
— Где ваша твердая рука?
Райкома, между прочим?

Да, впечатление пока
О вас, скажу, не очень...
Дубасов белый, как огни,
Глядеть—смешно и жалко.
...Вот с той поры живут они
Ну... как собака с палкой.

3.

Ты все видала, Целина,
Перенесла немало.
Бумаг, скажи, каких волна
Дебильных не вздымалась
Над негрозой твоей судьбой,
Над ширью, что без края?
Кто обложил тебя тупой
Чиновничьесю стаей?
Ты привечасшь их орду
Наивно и поныне,
Считая, к благу поведут,
Подарят дни иные.
Смешна их, выскочек, возня,
Поверь, она от скуки.
Погреть у твоего огня
Свои им надо руки.
И греют, сукины сыны!
И бродят средь цветочков
Перед глазами всей страны
В медалях, как в плевочках.
А чтобы тот медальный звон

Ласкал зимой и летом,
Изобрели почти закон,
Точнее — подлый метод.
Зовется он «Давай, давай!»,
А суть его, как драма:
Зерно взрастил, давай, сдавай,
Причем до килограмма.
Что, за бесценнок? Не ори.
Задумал продержаться,
На элеватор дуй, бери
Назад по восемнадцать.
Что, дешев скот? Растить не в мочь?
Не цены—наказанье?
Ты должен Родине помочь.
Фи, как низко сознание...
А если план не дал—шиши,
Ну как тут без накачки?
Давай, товарищ, допаши
Все то, что есть в записке.
Паши до самых до озер,
Паши до самых колков,
Мы на себя вину возьмем,
Мы отмахнемся с толком.
Ну хорошо, а как же быть,
Допустим, что Ивану
Ужасно хочется любить
Красавицу Татьяну?
Скажите, где ему искать

Местечко поприличней?
Ну вы, товарищ... как сказать...
Уж вы совсем цинично...
Ты, Целина, видала вид,
Ты все перевидала,
Не оттого ль, как инвалид;
Седой из рыжей стала?
Ты тоже видел, Громаков,
С того она, быть может,
Пусть даже с тыщей дураков
Все ближе и дороже.
Ну, а Дубасов... Не усек?
Его понять не сложно,
Перед обкомом ведь за все
Он отвечает кожей.
«Ну как же так,—там говорят,—
Ведь сонм хозяйств в районе,
В одном дела идут на лад,
Все прочие—в загоне?
Поднять силенок что ли нет,
А, может быть, и тяму...»
Вот почему авторитет
Он твой толкает в яму.
А если глубже заглянуть
В ту с ребусами клетку:
Не должен голову тянуть
За общую отметку.
Ведь так спокойнее ему,

Да и тебе попроще.
Ах, польза, говоришь, кому?
Да нету пользы в общем..
«Ну что ж, я понял кто есть кто,
Узрелась суть оснастки.—
Встаешь.— А ну-ка, где пальто?
Пройдусь-ка на участки».

4.

Как хорошо, захлопнув дверь
В обрыдлом кабинете,
От обретеннй и котерь
Шагнуть в весенний ветер,
В простую будничную суть,
В ее простые звуки
И мимоходом протянуть
К кленовым почкам руки,
Погладить ветви тополей,
Березы ствол потрогать
И к судьбе пройти своей
Подталою дорогой.
Душою вдруг помолодеть
Под гулким небосводом
И, вспомнив, с грустью посмотреть
В те у истока годы.
Увидеть вновь, как выбегал
Утрами из палатки.
Ты помнишь, кто тебя встречал?
Смешно, но...куропатки!

инстинктом родственных существ,
Как было то от века,
Они слетались с дальних мест
Поближе к человеку.
В них не стрелял тогда никто,
Мы стали нынче злее,
Нет курогаток, но зато
Двухстволку всяк имеет.
Мы извели под корень дроф
И зайцам жару дали,
Над щеткой жиденьких хлебов
Лишь коршуны остались.
А впрочем, в перечне всех бед
Не дробовик виною—
За миллиардом глупый бег
Бездумною ордою.
Мы пашню столько долгих лет
Купаем в гербицидах,
Теперь вопим, аж спасу нет:
«В продуктах пестициды!».
Теперь, склоняя чью-то мать
И рук своих творенье,
Какому выскочке отдать
Проклятье-предпочтенье?
Но стоит ли теперь махать
Нахрасно кулаками?
Нам землю надобно понять
И стать не дураками.

«Нет, что-то мыслей строй не тот,
Какой-то нелиричный...
Зайду-ка лучше на завод,
На свой завод кирпичный.
Когда-то кучка остряков
Язвила не келейно:
«А ты построй-ка, Громаков,
Еще сталелитейный».
Кривили губы, гогоча,
С портфелями Петрушки,
А вон, растут из кирпича
Дома, как те игрушки!
А вон и мельница своя
Маячит возле тока,
Зерно старательно жуя.
Что, и она морока?
Тогда, быть может, и асфальт,
Поселок опоясав,
Ведущий в радость, в завтра, в даль,
Он тоже роль паяцу?
Да нет, наверно, все не так
И чуточку сложнее.
Ну хорошо, не так, а как?
Вопрос уже умнее.
Мы сколько лет между селом
И городом те грани
Негодным рапшилем все трем
До мозолей на дланях?

Лет тридцать с гаком, говоришь,
И нет конца старанью?
Так вот, что ты в «Рассвете» зришь,
И есть оно, стирание.
А коли речь уж завели
О социальных штучках,
Так перейдем-ка от земли
К ветрам весенним лучше.
Апрельский ветер.. Дух его
Хоть примений в леченьи!
А между прочим, у него
Другое есть значенье.
И то, другое, во сто крат
Поможет даже в морге...
...Ярило катится в закат,
Обход закончен долгий.
Протопал всюду Громаков,
Своим все смерил глазом,
Поговорил с людьми. Легко
На сердце стало разом.
А за селом, как та вода,
Все гуще даль синееет.
Хорошим вечер будет, да,
Но утро мудреннее.

5.

Год не приходится на год
На Целине речется.
Ну чем, к примеру, этот вот

Сегодня обернется?
Не строй прогнозов свысока,
Не лезь с цифирью в дали,—
В них даже умные пока
Порою ошибались.
Твой тоже запросто замах
С итогом не сойдется,
Не зря же край на всех углах
Рискованным зовется
По земледелню. Давай
Мы «гоп» с тобою скажем,
Когда душистый каравай
Тем рушничком повяжем.
...А между тем пошел июнь,
Пошла жара беситься
Да так, что на дороге плюнь,
Все тут же испарится.
Едва в просторы став глядеть
И в небо над собою,
Себя куда не знали деть
Посевы в этом зное.
А где ты спрячешься в стеги?
Не суслик же, не мышка.
Покуда корни есть—терпи,
Засохли—значит, крышка.
Одoleвая злые дни,
Желтея и дичая,
Упорно дюжили они

До августа начала.
И тут, как будто мольбам вняв
(Что, быть то или небыль?),
В субботу в середине дня
Вдруг засмурило небо.
Стал черным южный оком,
Клубясь, явилась туча.
Взветвилась молния огнем
Раскидисто-сверкучим.
И хлынул дождь. Да где там дождь...
Казалось, будто лопнул
Небесный свод под гром и дрожь...
То ливень был потопный!
Он лил полдня, и ночь всю лил,
Лишь на другое утро,
Степь доотвала напоив,
Он прекратился мудро.
О, как воспрянул божий мир,
Испепеленный летом!
Справляла степь веселый пир,
Вся наполняясь светом.
Притихшей, благостной она
Была в левучей рани.
Такой лишь женщина одна
Бывает после бани.
Струило утро ветерок,
Шуршало красноталом
И обязательный урок

Кому-то обещало.
Из освеженных ивняков
Невнятно долетало:
«Я узелок из колосков
Для многих завязало...».
Тогда об этом узелке
Я знал. Его предвидел.
Сейчас он вот, в моей руке,
В тугом сплетенном виде.
Ну что ж, я ловкость покажу,
Концы попеременно
Вытягивая, развяжу
Погозже непременно.

6.

В чем Целины сегодня суть,
Да только ли сегодня?
Нет, не одеть и не обуть—
Задача благородней:
Дать хлеб и мясо с молоком
С земли, ковыльной прежде,
Стране, идущей нелегко
К святой своей надежде.
Да и целинников самих
Держать в хорошей доле.
Вот почему большей других
Мы взгляды тянем в поле.
А поле, буйно колосясь,
В окрасе рыже-медном

Шумя, ликуя и клонясь
Пошло в налив последний.
Уже трубой поднялся хвост
Номенклатурных братьев...
Но параллельно двинул в рост
Подгон коварной ратью.
К тому ж из Шории Дьяков*
Прогнозом долгосрочным,
Предупреждая шустряков,
Обрадовал не очень:
Мол, весь сентябрь, прошу учесть,
И объясните людям,
Сюрпризы небо будет несть—
Дождливым месяц будет.
И закрутился маховик
Сплошного нагнетанья,
Ну что ни день—в эфире крик:
«Собрание! Совещанье!».
Хозяйка рации в РАПО,
Хоть ко всему привыкла,
Сравнилась с радиопопом
И от ЦУ** охрипла.
А с малых и больших трибун
Гремит всю Дубасов:
—Страды, товарищи, канун,
Как не крути, подкрался.
Нам надо многое учесть,
Чтоб жизнь не завертела,

У нас возможности все есть
Страду ударной сделать.
В уборку дорог каждый час,
Крепи его работой..
Ах, что за речь! Да тут романс
В сравненьи с ней—икота.
Шумит словесная вода
Расчетливо - сердечно,
Из пены буйной иногда
Вдруг выплывает нечто:
—Все 25-го числа
Вглотную, не помалу,
Какие б ни были дела,
Но приступайте к свалу.
Комбайнов надо только треть
Оставить для подбора.
Такой расклад ввиду иметь
Без всяких разговоров.
—Позвольте, — выбросом руки
Вдруг кто-то просит слова,—
Валять, конечно, мастаки
Мы все, оно не ново.
А, может, все же... Кто таков?
Кто выскочил с вопросом?
Ну да, конечно, Громаков,
И тут сует свой нос он.
—Мы солидарны с АПК,—
Гребет Дубасов честно.—

Тебя же попрошу пока
Присесть на то же место.
Сказал, ехидства не тая,
Слова звучат железно.
«А все же правда не твоя.
Но спорить бесполезно».

7.

Не знаю, стоит ли опять
Надрывисто и длинно
В который раз живописать
Страду в краю целинном?
О ней писали много раз,
И сам—в стихах и в прозе.
Не лучше ль двигать наш рассказ,
Чем по полю елозить?
Мне повесть надо привести
К концу о Громакове.
Я не встречал пока в степи
Директора толковой.
Так вот, в тот год не рядовой,
Тяжелый небывало,
Он проявил характер свой
И выдержки немало.
Наперекор разносам всем
И всяческим указам
Он ввел стратегию меж тем
Свою хозяйским глазом:
Не ради свала хлеб валить,

Чтобы в валках валялся,
Свалил—подсохнул—молоти,
Отдай на откуп асам.
Хлеб остальной стоит пускай,
Созрело поле — властвуй,
Шпаль нагрямую, не зевай,
Так что же тут не ясно?
Ну, а уж если врежет дождь
Как из ведра в воронку,
«Окно» явилось—всех тревожь,
Опять комбайн в загонку.
Житейский сей простой пасьянс,
Отвергнутый насकोком,
Когда пришел урочный час,
Району вышел боком.
Как предвещал еще Дьяков,
Все вышло в самом деле:
Из сентября сухих деньков
Лишь набралась неделя.
И те, которые мозги
Отроду не имели,
Текерь сквозь сито мутной мги
На хлеб в полях глядели.
А он лежал, как бы судьбе
Отдавшийся сутуло,
И сквозь стерню к себе, к себе
Земля его тянула.
И хоть в субботники народ,

Взяв вилы, как в воссташье,
Валкам принес переворот,
Но было зря старанье.
...Скажите, видеть, обомлев,
Нигде не довелось вам,
Как злак растет не на земле,
А на весу? В колосьях?
Да, да, без связи с мать-землей?
Не дай вам боже видеть.
За это можно клан людской
Лишь только ненавидеть.
Тогда и было все вот так,
Рос колос, зеленея,
Как будто бы какой дурак
Озимые посеял.
Печален был финал жшштва,
Командным рык-угаром
Полурожая не едва ль
Земле вернули даром.
А Громаков? Что у него?
А у него все в норме,
Не подарил он ни-че-го
Дурной небесной прорве.
Обдумав осени подвох,
Как и в былые годы,
Он «выдирал» как только мог
Поля у непогоды.
Все до клочка отвоевал

С природой в трудной драчке,
Хоть «строгача» и схлопотал
За «долгую раскачку».
Ну что ж, «строгач» не селикат,
Повешенный на шею,
Но дали коль, скажи, что рад
И в будущем будь злее.
А впрочем, стоит ли пенять
И делать скорби мину?
... Его с Дубасовым опять
Свел вскоре поединок
Не за трибуною, заметь,
А просто на активе,
Где страсти продолжали тлеть
В четвертом перерыве.
Тот к Громакову подошел
И с виноватым взглядом:
— Ну что ж, ты кончил хорошо
Уборку. Все мы рады.
— Да тут заслуга не моя...
— Не скромничай, директор.
— Что ж, не с бумагами же я,
С землей живу вообще-то.
Она из прихоти судьбы
Не отдается сдуру.
— Прости, неправ я часто был,
Твою не знал натуру.
— Зачем нам пятиться назад...

— Да нет, ведь я серьезно.
Все зачеркнуть Дубасов рад,
Да вот черкать-то поздно.

8.

Давайте к правде золотой
Вставать не будем спячкой;
Братва газеты областной
Не балует глубишку.
Оно понятно и ежу,
Нужны коль строчки к сроку,
Зачем нестись, я вам скажу,
Куда-то? Все гад боком.
Садись в автобус, а затем
Ищи следы от пятен,
Ведь в городе есть столько тем...
Да сколько предприятий.
К тому же есть и тьма контор..
Пиши, фактуры хватит.
Но почему с недавних пор
В «Рассвет» журбратья катят?
То из газеты вдруг визит,
То с радио, то с теле,
Встречать директор всех велит,
От встреч убабив в теле.
Им интересно раскопать;
А как это в ненастье
Сумел он, Громаков, опять
Схватить за хвостик счастье?

И вдруг неожиданно областной
Примчался сам редактор,
Мужик душевный и простой,
Но вспыльчив, как реактор.
Он с Громаковым был знаком
С годов еще целинных,
Ну, словом, дружба без оков
Была длиннее длинной.
Конечно, встретились тепло,
Конечно, рой волясов.
— Какой судьбою занесло?
Что гонит нашим плесом?
— Да вот задание получил,
Как от верблюда «здрасьте»,
Чтоб срочно очерк настрочил
Я о твоём хозяйстве
В столицу. Для отсрочки нет,
Заданием я зашорен.
— Э, очерк твой не Алитет,
Не улетится в горы.
Старик, ты завтра все начпешь,
Ну, а сейчас без всяких
Давай ко мне, там отдохнешь
От всякой-разной бяки.
Синют сумерки в окно,
Не вечер, а отрада.
И стол хозяйкою давно
Обставлен всем, чем надо.

Тсчет сердечный разговор,
Дымятся папиросы.
—Ты как с Дубасовым?—в угор
Друг выпалил вопросом.
—Да так,—растерян Громаков,—
По всякому бывает.
—У нас немало говорков
На счет его витает.
Не распыли. За ним грешков
Как бусинок на нитке.
Увяз он очень глубоко,
А вылезть—нет калитки.
Тут и наемных стройбригад
Купюрные гдачки,
Торговых девок целый ряд
И прочие заначки.
Ясней — Дубасов ваш сгорел
На дел блудливых груди.
На конференции удел
Его объявлен будет.
Суть речи ловит Громаков
И думает тягуче:
«Быть человеком нелегко.
Что заслужил—получит.
Плсвать в колодец—не косить,
Не с жнивье колоться.
Но как потом водичку пить
Из этого ж колодца?

А так: плевал—изволь, копей,
Заплеванная слаще...
Вот так бы к пакости своей
Нас приучали чаще.
Тогда б, глядишь, среди равнин
Все ручейки-гулены
И даже жизни нашей дни
Текли незамутненно».

9.

И день настал суетный тот,
Когда по партзакону
Дубасов должен был отчет
Держать перед районом.
Что ж, конференция, она
Не спевка-ахинея,
Душа занует не одна,
Бывало, перед нею.
А как не ныть ей, если в миг
(Потом возьми, воскресни!)
Летели тут из-под иных
Просиженные кресла.
К ним конференций давних шум
И гвалт не раз вернется..
Но вас на эту попрошу
Пройти. Места найдутся.
Со стен призывы в крик кричат,
Президнум на месте,
Портрет огромный Ильича...

Все, словом, честь ко чести.
За осуконенным столом
Что ни фигура—имя.
Сидят и каждый будто лом
С утра до чая принял.
А чтобы вид застолья был
Демократично-ярок,
Воткнуть тут кто-то не забыл
И парочку доярок.
Дубасов начал свой доклад.
Сначала симпатично
Минут пятнадцать бил подряд
Капитализму в личность.
Потом годдержку огласил
Решеньям тем, что свыше,
Потом в приливе буйных сил
К делам районным вышел.
Но скоро пыл его угас
Уже в четвертом туре—
Стоял за строем длинных фраз
Прогар и пшик в натуре.
Он кое-как доклад привел
К концу без вдохновенья
И с возвышения сошел
Весь в блестках заверений.
Но зал не выплеснул души,
Не воспылал восторгом
И потому-то не спешил

Никто к трибуне долго,
Потом как будто прорвало
Ту дамбу в час прибоя,
От всех, кого сюда свело,
Не стало вдруг отбоя.
Средь них, конечно, были те,
Кто жизни пел красоты
В холопской стоя горстоте
К столу вилоборота.
Но перевесил трезвый дух,
И вскоре был Дубасов
Разбит в речах и в прах, и в пух,
И стало многим ясно:
Ему уже не устоять
(Ну что ж, за все ведь платят),
В голосованье как гить дать
На вороных прокатят.
А тут еще и Громаков,
Клеймя всю рутину,
Принес савочек угольков,
Плеснул в костер бензина:
—Вы говорили как-то мне,
Нотацию читая,
Что в осень, мол, не по весне
Цыпляток посчитаем.
Ну что ж, я счел. Неплох приклад.
«Рассвет», не из последних,
А как для вас сложился год?

Сказать сейчас не вредно:
У вас итог один — развал...
И тут как по команде
В аплодисменты грохнул зал,
Как песенке «Лаванда»,
Засуетился за столом
Наставник из обкома,
Он начал петь о сем, о том,
Задачею влекомый:
Что, мол Дубасов сделал все,
Да вот когда бы сухо...
Но ведь бывает, знамо всем,
Прорука на старуху...
Гремел наставник, как поэт,
Глаза катая властно,
Но получил Дубасов «пет»
Почти единогласно.

10.

О, как же долго зрили мы
Под бодрым небосводом,
Как вяли лучшие умы
Позорно год за годом.
Не сами вяли по себе
Они, угробив силы,
Их без росы и по росе
Судьба всюю косила.
Да не судьба, а та коса
С тупым названьем КАСа.***

Ее, вздымая голоса,
Клянет поныне «масса».
Но реже все кося замах
Чиновными руками,
И стали шарк почти зачах—
Она пошла на камень.
А камень, он не пустячок,
Тут может все случиться,
Косье сломаться (речь о чем!)
И жало затупиться.
Тупись, ломайся, черт с тобой,
И знай: на горе людям
Монтачкой**** серо-голубой
Точить тебя не будем.
И ладить новое косье
Не бросимся по росту,
А как ненужное хламье
Свезем на свалку просто.
Лежи, от сырости дрожа,
Листай воспоминанья,
Пока тебя, иная, ржа
Не съест до основанья.

* А. В. Дьяков—директор метеостанции в Горной Шории на Алтае.

** ЦУ—ценное указание.

*** КАСа—командно-административная система.

**** Монтачка (орл.)—брусон с ручной для
точки кос.

1990 год

ПАРОДИИ

Мудрый мерин

Был Сивка умным и смиренным.
Порой казалось, что вот-вот
Сейчас по имени|Семеном
Меня возьмет да назовет.

С. АНИСИМОВ.

Я вдоль Ишима пробирался
Однажды в стоптанных туфлях.
Мне сивый мерин повстречался
На берегу его, в кустах.
Я тут же в миг про детство вспомнил,
Всю соль, всю боль моей тоски.
Ведь только кони, только кони
Меня любили по-людски!
И я растроганно и гордо
Среди закатного огня
Такую бархатную морду
Его застенчиво обнял.
Сквозь слезы, падавшие градом,
Я прошептал, отбросив ложь:
«Мой Сивка-Бурка ненарадный,
Во мне поэта признаешь?»
Стояли мы, покурив выи,
В Ишме булькала вода.
Текли минуты гробовые,

**А мне хотелось слышать: «Да».
И он бы «да» сказал, я знаю,
Но мерин этики не знал—
На мой вопрос, хвостом махая,
Лишь оглушительно заржал.**

Сон на полевом стане

...Словно я догораю
На углях костра
И дыминкой витаю.
Витаю... Вита...

В. ГУИДАРЕВ.

Про целинные будни—
При огне, без огня—
Мне так нравится строчки
Считать... Сочиня...
Вот недавно я выдал
Что-то около ста
И помчался в бригаду
Их скорей почита...
Собрались трактористы—
Золотая братва!
Я робею. «Ну что там?—
Мно кричат все.—Дава..!»
Почитал я немного,
Думал, в точку попал,
Глядь, а публика дружно
Засыпа... Засыпа...
Ну, а я-то железный?
Ждать овец не стал,
Вместе с нею в отаву,
Позевавши, упал.

И была над бригадным
Станом тишь разлита.
Только муха летала.
Летала... Лета...

Отчего бессонница

В нем Пушкин, и Гамзат, и Щипачев,
а рядом самодельные стишата.

М. КОРОТОВСКИИ.

И дернул черт в обед меня уснуть!
Я это не прощу себе до гроба.
...Мыслишек свежих на ночь почерпнуть
Я вышел, будто, шляться по отрогам.
Иду я, будто, молочай топчу,
Гляжу, навстречу старичок Цадаса.
«Привет, Гамзат!—Цадасе я кричу.—
Куда, скажи почтеннейший, подался?
Но он—ни слова. Вижу—побледнел
И за кинжальный держится эфесик.
—Вы в сыновья годитесь, милый, мне,
А вы себя ведете, как ровесник.
Невежа вы. И по закону гор
Вас наказать немножко я посмею...
Бессонницей я мучаюсь с тех пор,
Трасутся руки, дергается шея.
Но я пишу по-прежнему не вскачь,
Не вспоминать стараюсь про Гамзата,
И все же получают, хоть плачь,
Ужасно самодельные стишата.

Зауральская- лирическая

Ну дела! Зима белым-бела,
А в мозгу кутит такая замять!

Е. БУКИН.

Я люблю шататься по селу,
Загибая девкам про Петровки.
Нашатавшись, прихожу к столу
Весь такой талантливый и ловкий.
На полгода взвинченный тобой,
Налегаю на перо до пота.
Ой любовь, тудить тебя ногой!
Ай стихи, красивая работа!
Ничего, что в черепе кутит
Голубая шалая поземка,
Это все—любимая, прости—
Дарьина исправит самогонка.
Суть в другом: я, милая, поэт!
Мне бумага, как и ты, послушна.
Ну, а если меры в виршах нет,
Ты прости меня великодушно.

Поэтический камуфляж

Я на улице сипей,
весенней, вечерней
всем прохожим кажусь
сумасшедшей, наверно.

Р. ТАМАРИНА.

Кто сказал, что поэты
простаки и невежды?
Просто любят они
порядиться в одежды
бесталанных незнаек,
хитрецов-лицедеев...
Уважайте поэтов
И читайте смелее!
Я сама вот порою
по Калининской вешней
вечерами частенько
прохожку сумасшедшей.
Но вообще я в уме
и полна интеллекта.
А словечки в стихах—
Это так... для эффекта.

Счастлиное падение

Прости, Пегас,
Но я уже не в силе
Тебя оставить
Так же,

как вино.

Чуть ты потрянешь—

И я о землю—

хрясь!

А. СКВОРЦОВ.

Катились дни мои
Консервной банкой,
Гремя убогой
Насыпью словес.
Но вот однажды
В довершенье пьянки
Я на Пегаса
Кое-как залез.
Рванул мой конь,
Подковой цокнув глухо,
Но тут стряслось
Такое... ы-ы... апчи!
Пегас взбрыкнул
И я с размаху ухнул
В есенинские
Грустные стихи.

Придя в себя,
Почесывая спину,
Я закричал:
—Настал наш срок!
Давай, Сергей,
Проведем мешанину
Твоих, моих
И Луговского строк!
А он в ответ
Рукою только машет:
—К чему, старик,
Пустопорожный труд?
Чего уж там...
Вали, копируй, Саша,
Глядишь, бог даст,
Их где-то издадут.
С тех пор стихи
Я гну без передышки,
Даю, как говорится,
Прикурить.
И вам мои
Объемистые книжки
От немых
Вовек не отличить.

Затмение

(Инна ПОТАХИНА)

Допустим,
исчезла бумага.
Я срочно еду
В Канаду.
Пусто.
Бегу в Комсомольск-на-Амуре.
Как же!
Звоню в Копенгаген.
Что вы!
Боже, на чем же
работать
поэтам?
Прикажете на заборах,
уподобившись
первоклашкам?!Снег белеет буро-малинов...
Навстречу соседка.
Скорбно:
— Вы поэтесса?
Странно.
Тем не менее,
ваша книга стихов
появилась...
Ух ты!

А мне казалось
в издательствах
нет бумаги...
Значит, было затмение,
пока не известное
в мире.

Зарифмованный круг

Я за ним по грани острых дней
От тебя к тебе иду навстречу.
В. СМИРНОВ.

В лапы взят обидой и бедой,
В салогах, заляпанных известкой,
Сколько раз я, буйно-молодой,
От тебя сбегал на перекрестки.
Расставанье—смерть, точнее—яд.
Мне дышаться начинало реже.
И тогда оглобли я назад
Поворачивал. Я шел к тебе же.
Но, придя, обратно уходил,
Я кружил, твоей не зная ласки.
В этой гонке стал я походить
На кота из знаменитой сказки.
С судьба жестокая моя—
За собой тащиться, как за плугом...
Критики, читатели, друзья,
Помогите выскочить из круга!

Заготовка стиходров

Вот и осень золотая,
С ней я, как в бреду...

В неподписанные строчки
Загопяют клин.

М. ЛЮГАРИН.

Любят зиму. Любят лето.
Я люблю Покров,
Это время—для куплетов,
Проще—стиходров.
Выбегаю неумытый
На заре во двор.
Во дворе, на пне забытый,
Ждет меня топор.
Не к лицу на возраст ахать,
Ну-ка, брат, за гуж!
Елки-палки, чурки-плахи,
Я в работе дюж.
Рраз!—взмывают, как сороки
Щепки со двора.
Рраз!—и звонистые строки
Вверх от топора.
Ах, святое вдохновенье!
Как устал я! Жуть!..
Соберу стихополенья,
В сборник уложу.

Пусть над ним теперь витают
Ветры всех равнин
И в отчаянье рыдает
Рецензентов клин.

Нечто философское

В пути, в жару воды глоток—
Неразрешимая задача!
Я часто думаю о том,
Что называем мы удачей?
В. БЕРНАДСКИЙ.

Я буднями заезжен вдрызг,
Но я не хнычу и не плачу—
Сижу и проявляю мысль:
Что называем мы удачей?
Удача в самом деле что?..
Мне с каждым годом все яснее:
Она—не выигрыш в лото
И не везенье в лотерее.
Она—не умница жена,
Не кошелек среди дороги
И, наконец, не бузина,
Какую есть пришлось не многим.
Она редка, как синий кит,
Она —когда петитом ярим
На книге изданной стоит:
Тираж 100000 экземпляров.

Тире-палочка- выручалочка

Сады—в цвету. В траве—роса.
Сады в цвету. В цветах—пчела.
В трудах—пчела. В трудах—оса.

А. БРАГИН.

Лопух—в пыли. В Или—вода.
Нога—в туфле. В бою—ура.
Глаза—во лбу. В земле—руда.
В Чимкенте—снег. В душе—мура.
Спина—в поту. В окне—серо.
В столе—«Казбек». В руке—перо.
В опале—труд. В строфе—уха.
В лесу—хо-хо! В степи—ха-ха!
В киосках—хе! В читальных—хи!..
К чему смешки? Я угорел?
Но я пеку, пеку стихи
И к ним нетрудные тире.
Эгой, тирезия, эгей!
Мой каждый стих—как крик души.
Веди, веди меня скорей
К читателям.
Как?
Что?
Ушли?!

Я и ВЫ

Я однолюб из рода аэров,
Я из романса весь, когда
Не очень трезв мужской мой разум
По дням воскресным иногда.

А. ЕЛКОВ.

Когда под вечер с гонораром
Домой зигзагами влачусь,
Я весь, как старая гитара,
Душещипательно звучу.
Я весь—надрыв любви недлинной,
Грусть поселяющей у глаз.
Я весь бандурно-мандолинный,
Гудящий, будто контрабас.
Я рифмо-преоригинальный
И далеко не простота.
За то, что стих мой музыкален,
Мне, может, нужно б пьедестал...
Я на него, шатаясь, влез бы
И, чувств ни сколько не тая,
Продекламировал железно:
—Я—это ВЫ, но ВЫ—не Я!

Признание на четырех ветрах

Не из ризницы ты,
не похожа
на холодных мадонн.
Пролился
по весенней коже
зоровой
самогон.

Е. ЗАМЯТИН.

Ты не чудо,
не чайник,
не чадо,
ты не чих
и не плач.
Ты моя
самогоноотрада,
дюжекрепкий
первач.
Жизнь — сквозняк
(в том Магнитка
порукой),
ветры вьют:
гу-у-э-э...
Я озяб
до зубовного стука

от тоски
по тебе.
Мне в прорабской
прокуренной
надо б
посидеть
у печи,
запивая
плохим лимонадом
эти самые...
калачи.
Только парень я
страшно бедовый,
в слабаки
не прошусь—
тебя выпью я
в стуже бредовой
и тобой закушу...
А когда
под спецовкой
промерзлой
кровь начнет бунтовать,
про любовь
слугом очень серьезным
я начну
сочинять...

Типичное- антилогичное

Улыбнулась, постояла
И тихонько поднялась.

Я. ЗАХАРОВ.

Карусель пошла с субботы,
Вижу все, как сквозь туман.
Прихожу домой с работы,
Мне жена кричит: «Иван!»
— Дорогая, не узнала?
Вдруг закатом занялась,
Улыбнулась, постояла
И тихонько поднялась.
Я на кухню тихо вышел,
Сел, лежу и ни ногой.
«Ах, как все нескладно вышло,—
Бормочу с самим собой.—
Этот фокус, Якиваныч,
Как прикажешь понимать?».
...Никогда не надо на ночь
Книжек собственных читать.

Переборы

Разлуки и встречи
С морями,
Лесами,
Горами,
С травами
И городами.
С любимыми
И друзьями.
Л. КРИВОЩЕКОВ.

Что я люблю?
Окрошку,
Яблоки,
Хрен,
Шашлык,
Кроме того
Картошку,
Пиво,
Трамвай,
Цирк.
Бульдозеристов,
Артистов,
Министров,
Таксистов,
Штангистов,
Солнстов,

Сценаристов и массажистов,
Шахматистов и трубочистов.
Красное,
Ясное,
Разное,
Добротное и безобразное,
Сено,
Солому,
Пух...
Хватит...
Упарился...
Уф!..

Стихи с хрустом

Две тишины
Прозрачных наизусть.

Чтоб ветры безымянные
Хрустели,
Как высохшие ветки
Под ногой.

С. КИСЕЛЕВ.

Люблю писать
Прозрачно—непонятно
(Я это к слову, впрочем,
Говорю).
Кочан стихов
Приподнято—невнятных
Тебе, читатель,
С радостью дарю.
В нем—лист к листу—
Любовь моя и мука,
И взвинченность,
И стаи голубей.
Тебя возьмет
За горло, знаю, скука,

Но ты держись.
Будь сильным.
Не робей.
Хрусти-читай, родной,
Без передышки,
Не думая
О бедности меню.
Хрусти!
Пока дойдешь до кочерыжки,
Я что-нибудь темнее
Сочиню.

Перспективная пила

(Алексей КРЮЧКОВ)

Ничего поэзии нет проще:
На закате сядешь во дворе
И тайком от вездесущей тещи
Тешешь стих о старом топоре.
А не то загнешь и про новинку—
Про лопату там аль мастерок...
—Заменял бы ты, Лексей, пластинку,—
Говорят прорабы.—Ты б, сынок,
Взял, поставил что-нибудь задорней...
Эх, хрычи, да что вы, во хмелю?
Древо темы плотнишко-топорной
Как же я, скажите, загублю?
Где тогда я строчек насшибаю?
С чем, скажите, подойду к столу?
А вообще-то зря я убиваюсь—
Ведь еще не спето про пилу!

Изобретение гения

Я поняла, что суета—пустое,
Несостоящее дело для меня.

Л. ЛЕЗИНА.

Я с детства знала: суета—пустое
И потому всегда ходила вспять.
Уже тогда, о славе беспокоясь,
Решила я по-крупному играть.
«Придумать бы,—мечталось мне,—такое,
Чтоб ахнул этот примитивный свет».
А что? Забыв о хлебе и покое,
Изобрела я стиховелопед.
Согнула в миг из дактиля колеса,
Хорей пошел на раму—будь здоров!
Анапест стал прекраснейшим насосом,
Руль амфибрахий заменил без слов.
Я так своей стихомашине рада!
Хотите вас подброшу с ветерком?
—Простите, Лезина, но, знаете, не надо,
Мы как-нибудь того... дойдем пешком.

Затруднение

Но поэту многое доверено:
Видеть душу и людей, и слов,
И узнать, и рассказать о времени.
Остальное—просто ремесло.

Ф. МОРГУН.

Пусть меня не издают отныне,
На одном стою, как и стоял:
Итальянец... этот... Паганини,
Что он миру, извините, дал?
Челуха, две дюжины каприччи
Да три сотни процыганских пьес.
Я их слушал. В Риме. Для приличья.
Нет, не то. Не будят интерес.
А возьмите Репина, Дейнеку,
Ньютона, Вучетича, Гюго,
Что они сказали человеку?
Да клянусь поэмой—ничего.
Век... Эпоха... Время... Подвиг... Врубель...
Чтобы людям в соснах не плутать,
Только мы, поэты строкорубы,
Можем жизни суть растолковать.
Пусть несомненно... но вот я. В Сократы
Никогда не рвался, но и все ж

Предсказать морозы по закатам
Я умею. И по тучам—дождь.
Объяснить затмения... что сказали?
Приходите. Ближе к четвергу.
Просвещу любого. Но едва ли
Слово «поза» объяснить смогу...

Смех сквозь снег

(Валерий ПРОКУРОВ)

Я помню снег
однажды шел.
Двухстопный снег—
как хорошо!
Он прямо шел,
он шлендал вкось.
«Снег небольшой,
пройдет авось»,—
кумекал я,
идя сквозь снег.
И вдруг—ой-ля!—
зазывный смех.
Откуда? Кто?
Юдифь? Ассоль?
А может то
в горторге соль?..
Молчала ты
и я молчал.
А город стыл—
он засыпал.
«Ну что, пошли».

Я был не смел.
Но мы пошли,
и снег был бел.
Он шел прямой,
горбатый шел,
шел за тобой,
за мной не шел.

Последнее желание

...каждый день устаю, как последний ишак,
и вынослив делаюсь, как верблюд.
И каждый день с работы иду
тяжелый и добрый, как слон,
и тебя каждый день под окошком жду
влюбленным, упрямым ослом!

О. АФАНАСЬЕВ.

Здравствуй, мутно-прозрачный Иртыш!
Твои берега, как зачин поэм.
Ты почему на меня шумишь?
Ты знаешь я был в этой жизни кем?
Я мамонтом был, камышовым котом,
Моржом куролесил в воде,
Шакалом скитался, шатался бобром,
Верблюдом, слоном и т. д.
Я горя хватил, как последний ишак,
Но в этом ли повести нить?
Побывать человеком не смог я никак,
А как бы хотелось побыть!

Агитация и профзнация

Приходите, девочки, на ферму—
Каяться не будете потом.

А. ПРЯНИКОВ.

Как-то раз иду по Соколовке
(Дней пятнадцать, кажется, назад),
Мне навстречу стайкою плутовки,
Не соврать бы, штук под пятьдесят.
Под транзистор дергают плечами,
А ногами—уж такое гнут!
Думаю: « А дай-ка для начала
Их слегка, красавиц, агитну».
—Ну чего,—им говорю,—ка вербы
На ветру качаетесь крутом?
Приходите, девочки, на ферму—
Каяться не будете потом!
На меня недружелюбно глядя,
Отвечает в джинсиках одна:
—Дальше фермы, просвещенный дядя,
Ты не видишь, видно, ни хрена.
И вообще откуда ты и кто ты?
Ты не то, мне кажется, поешь,
Развивай-ка, милый, обороты
Ну и жми туда, куда идешь...

По разрешению

Мне наплевать на некоторых прочих,
которым радость взмаха не дана.

Г. ГАДЕНОВ.

Я не люблю пророчащих из окон,
увязших в глине повседневных дел.
Плевать хотел я с галерей высоких
на тех, кто выше прыгнуть не сумел.
Вот я—пример там всяким этим... прочим,
умел уже в пеленках сочинять.
И мне плевать, что кто-то среди ночи
двух строк не может рифмой увязать,
неважно кто, пастух он иль рабочий,
актер ли, врач ли или черт в раю...
Я очень уважаю, между прочим,
профессию красивую свою.
На все иное цвиркаю сквозь зубы,
порой плюю, как пушка, от души,
плюю дай бог, талантливо и трубно,
поскольку мне А. Жовтис* рзарешил.

*А. Жовтис—редактор книги стихов
Г. Гаденова «Новые стихи».

Ф у г а с н о е

Все мимо, мимо, мимо—
Поля, дома в селе,
Картофелины—мины
Взрываются в земле.

Г. КРУГЛЯКОВ.

Мы ехали в трехтонке,
Не ехали—неслись!
Маячили в сторонке
В селе дома, кажись.
В садах мелькали груши,
На межах—лебеда,
Гугулькала в речушке
Похоже что вода.
Мы мчали... За совхозом
Свернули в огород,
И в тот же миг на воздух
Машина и народ.
Проклятая картошка!..
Но трупов вроде нет.
На ржавую подножку
Уселся я, поэт.
И, помню, думал ясно
(Реку, как на духу):
«Подобную фугасность
Да моему 6 стиху!..».

Не та нота

Приходим в клуб. На сцене знамя.
Народ с доверием глядит.
Как будто Пушкин рядом с нами
И рядом Лермонтов сидит.

Мой стих в распахнутой сорочке
Упал с разбегу в пустоту.

М. БАЛЫКИН.

Обтопав за день Семиречье,
В песках прожарившись, как хек,
Восьмого августа под вечер
Я притащился в Кок-терек.
Мне б нужно было кеды чистить
И о ночлеге узнавать,
Но я в клубишко неказистый
Пошел стихи свои читать.
Вхсжу в фойе. Людей не густо,
Но зал—от публики гудит!
Гляжу, в президиуме Пушкин
И тезка Лермонтов сидит.
Привет!—кричу. Сам внимаю
Большую в клеточку тетрадь
И не смущаясь, начинаю

Таков, братцы, выдавать!
Хохочут все, представьте, дружно,
Но слышу вдруг обрывки слов:
«Отколь... скажите... Саша, друг мой...
Сего пиита... принесло...».
«Я полагаю, из пустыни...».
И оба гения рысцой
Со сдены к выходу пустились
Еслед за исчезнувшей толпой.
И я остался одиноким,
Стою, вздыхаю в пустоту.
Нет, видно, все-таки высоко
Я нсту взял, притом не ту...

СОДЕРЖАНИЕ

Одна ночь (поэма)	3
Коса и камень (поэма)	8

Пародии

Мудрый мерин	39
Сон на полевом стане	41
Отчего бессонница	43
Зауральская-лирическая	44
Поэтический камуфляж	45
Счастливое падение	46
Затмение	48
Зарифмованный круг	50
Заготовка стиходров	51
Нечто философское	53
Тире палочка — выручалочка	54
Я и ВБ	55
Призвание на четырех ветрах	56
Типичное антилогичное	58
Переборы	59
Стихи с хрустом	61
Перспективная пила	63
Изобретение гения	64
Затруднение	65
Смех сквозь снег	67
Последнее желание	69
Агитация и профанация	70
По разрешению	71
Фугасное	72
Не та нота	73

Стихи Ю. Полякова хорошо известны не только в Казахстане, где он много печатается в периодике, а также участвовал в трех коллективных сборниках. Его переводы с узбекского стихов Ш. Арифиды вышли в Ташкенте. Печатается он и в московских изданиях.

В этом сборнике объединены далеко, казалось бы, неродственные жанры. Но это только на первый взгляд.

ПОЛЯКОВ
Юрий Петрович

Редактор В. Сищенко

Корректор С. Белоусова

Сдано в набор 25.01.91. Подписано в печать 20.02.91. Формат 70x108. Бумага печ. № 2. Гарнитура ново-газ. Заказ № 61 Печать высокая. Уч.-изд. л. 2,75. Цена 2 руб.

Отпечатано в Тимирязевской типографии Северо-Казахстанского
ИО «Полиграфия».